

Однако всего лишь полтора года спустя в размышлениях Прокофьева о дальнейшей судьбе появляется новый оттенок. 8 ноября 1930 года есть такая запись: «Это очень важно знать, когда начинает думаться, что моей музыкой недостаточно интересуются и почему Стравинским интересуются больше?» (С. 786). Еще спустя два года Прокофьев выезжает на гастроли в Москву (21 ноября – 5 декабря 1932). По-видимому, вторая поездка оказалась более скромной по сравнению с оглушительным триумфом 1927. Нескрываемое разочарование принес последний концерт, которым должен был дирижировать Голованов. Из-за внезапной болезни(?) он попросил Прокофьева самого встать за дирижерский пульт. Под угрозой срыва концерта композитор не мог отказаться. Но... «Зал наполовину – портит впечатление» (С. 811). Спорящие за кулисами коллеги, не оказавшие должного внимания гастролеру, также приводили в смущение.

Тем не менее, 14 апреля 1933 Прокофьев снова в Москве. Пока без семьи. Однако на этот раз друзья побеспокоились о своеобразном блиц-турне по крупным городам России, Украины, Закавказья. И хотя, по словам композитора, «был замечен еще голод на Украине» (в Харькове), а в Ереване он покупает килограмм риса, чтобы молодая мать могла успокоить беспрерывно плакавшего от голода ребенка (за стеной гостиничного номера), все-таки положительные эмоции были сильнее: в программе продолжительных весенне-летних гастролей предусматривался даже автомобильный пробег по Военно-грузинской дороге – знаменитому туристскому маршруту, неизменно производившему потрясающее впечатление! Очевидно, к середине 30-х годов кто-то всерьез был озабочен возвращением Прокофьева в Россию! 1 – 6 июня композитор проводит последние дни в Москве. «Nord-Express» возвращает его 8 июня в Париж. Последние слова, занесенные в Дневник: «Дети в отличном состоянии. Много писем» (С. 836).

Этой краткой строкой прерывается увлекательное связное повествование, напоминающее занимательный роман о наименее известном в отечественном музыкознании периоде жизни Прокофьева – периоде, в котором реальные события нередко соприкасаются с мифотворчеством. Его отблески до сих пор ощутимы в наших представлениях.

О.И. Розанова

Презентация новой книги

2005 год останется важной вехой в истории балетной науки. Вышли в свет книги о двух крупных петербургских хореографах, корифеях балетного искусства XX века. Совсем недавно состоялась презентация книги о Николае Николаевиче Боярчикове, написанной балетоведом Татьяной Евгеньевной Кузовлевой. И вот сегодня мы поздравляем автора книги «Георгий Алексидзе. Хореограф божьей милостью» Эру Суреновну Барутчеву – нашу коллегу, профессора кафедры музыкальной критики. Это радостное событие, другим оно и быть не могло, потому что и герой и автор книги – люди замечательные.

Эру Суреновну я бы назвала женщиной-праздником. От нее исходит мощная волна энтузиазма, влюбленности в искусство. И для меня самое ценное качество ее книги – те чувства восхищения, благодарности и любви, которыми дышит буквально каждая строчка. Увы, это редко встречается в наше время, когда в моде уничижительно-высокомерный тон.

Необычен для книги о хореографе и авторский поход. Мы не встретим здесь традиционного «балетоведения» — описания и анализа спектаклей в их хронологической последовательности. Это скорее развернутое эссе, где в центре внимания — личность героя. Как стало очевидно с первых опытов Алексидзе — выпускника балетмейстерского отделения Консерватории, — для него альфой и омегой искусства является музыка. Естественно, что и рассказ о хореографе ведется сквозь призму музыки, а здесь, как говорится, автору и карты в руки. Музыка пронизывает повествование, присутствуя и в композиции книги, построенной как 24 вариации на тему, и в самом ее «звучании». И в этом качестве труд Эры Суреновны прекрасный пример для музыковедов, своего рода призыв относиться к балету с симпатией, вниманием и интересом.

Книга убеждает в том, как много может дать «музыкальный взгляд» на балет.

«Музыкоцентристский» метод служит прочным стержнем, скрепляющим повествование о художнике, которого с полным правом можно назвать человеком культуры. В сегодняшнем балетном мире не часто встретишь такого интеллигентного, воспитанного, приятного в общении и высоко образованного человека, как Георгий Дмитриевич. Автору книги удалось донести до читателя масштаб этой незаурядной во всех отношениях личности, показать, насколько ее герой погружен во все, что только есть на свете и достойно внимания, как широки его интересы во всех областях культуры и искусства. Весьма полезный урок для всех причастных к балету. Сейчас многие артисты стремятся учиться (и, слава Богу, есть где), но дефицит образованных людей в последнее время заметней, чем прежде, да и потребность в них как-то не ощущается.

Напрасно вы будете искать на афишах балетных коллективов, которых в Петербурге множество, имя Алексидзе. Его нет, как нет и имен большинства выпускников кафедры хореографии. Таково наше печальное время. Книга Эры Суреновны хотя бы отчасти восполняет этот пробел, знакомя с тем, что сделал и мог бы сделать Алексидзе — хореограф поистине ренессансной творческой энергии.

Нечто ренессансное есть и в самой книге — в насыщенности информацией, приподнятости тона, «всеохватности» замысла и четкой, строго выверенной конструкции. Научная основательность труда не мешает блеску изложения. К литературным достоинствам книги нужно отнести и предпосланные каждой главе эпиграфы (всего их 26), отысканные у философов, писателей, поэтов, музыкантов, хореографов, художников — «от Адама» до наших дней. Ценное дополнение к тексту — богатый иллюстративный материал: множество фотографий, публикуемых впервые.

Остается добавить, что книга Э.С. Барутчевой — плод человеческой и творческой дружбы двух талантливых, одержимых искусством людей, нашедших друг друга еще в студенческие годы Георгия Дмитриевича Алексидзе. И, наконец, это наглядный пример гармоничного союза музыки и танца.